

О МОЕМ ДРУГЕ¹

П. ДРОЗДЮК

В моём письменном столе лежат пожелтевшие от времени письма и фотографии Саши Чопа — моего лучшего друга по Куряжской трудовой колонии имени А.М. Горького и по Московскому рабфаку искусств имени А.В. Луначарского.

Внимательно и напряжённо всматриваюсь в знакомые черты лица Чопа — этого близкого мне, доброго и талантливого человека. И предо мною, словно кадры кинофильма, проходят вереницей далёкие, давно прожитые годы...

Многие знают книгу Антона Семёновича Макаренко «Флаги на башнях», продолжение знаменитой «Педагогической поэмы». Но немногим известно, что прообразом Игоря Чернявина — одного из главных героев книги «Флаги на башнях» — был друг моей бурной юности Александр Чоп. Правда, Саша никогда не воспитывался в трудкоммуне имени Дзержинского, названной в книге трудкоммуной 1 Мая, но ведь Макаренко писал повесть, а не очерк, и имел право на авторский домисел. С первых же страниц повести, как только появляется Игорь Чернявин, вначале именуемый себя Игорем Чёрногорским, передо мной предстаёт Саша Чоп. Это он всегда готов был заступиться за слабого, помочь товарищу, и, что скрывать, это он, во времена беспризорничества получал деньги по поддельным документам. Саша мог на срезе сырой картошки быстро вырезать любую печать, и делал он это так ловко, что даже опытный глаз не в силах был её отличить от настоящей, когда она красовалась на бумаге. Не хуже выходили у него и штампы. Деньги по поддельным документам он получал ловчей, чем это описал Макаренко, и поймать его было не так-то просто...

В Куряжскую колонию он сам пришёл по приглашению Макаренко, который познакомился с Чопом, когда тот, вынужденный из-за пазухи потрепанный альбомом, рисовал какой-то пейзаж, пристроившись на бульварной скамейке... Саша вспоминал, что Антон Семёнович назвал его тогда, шутя, художником от слов «художить» и посоветовал учиться, чтобы стать настоящим художником...

И когда во второй части повести, в начале третьей главы, я читаю о том, как Игорю Чернявину понравилась библиотека, помещавшаяся рядом с тихим клубом, я снова вижу Сашу Чопа и нашу колониистскую библиотеку. Только заведовала ею не какая-то древняя старушка, как в повести у Макаренко, а автор этих строк... Тут я должен сказать несколько слов о себе.

Мальчиком лишившись родителей, я стал беспризорным, скитался из одного города в другой.

Шёл 1926 год. Я оказался в Куряжской колонии возле Харькова. Дела в то время шли там неважно. Колонисты не признавали никаких авторитетов, игнорировали распоряжения воспитателей. Я в глубине души не одобрял куряжской «вольницы». И когда летом 1926 года к нам приехали из Полтавы воспитанники трудовой колонии имени Максима Горького, я с большим интересом и завистью смотрел на стройных, загорелых, в синих трусах и белых майках горьковцев, входивших на широкий двор Куряжской колонии, чётко отбивая шаг с видом победителей.

Играл духовой оркестр, полыхало над колоннами кумачовое знамя, на котором сияли вышитые золотой парчой слова: «Трудовая Горьковская колония».

Впереди шёл заведующий колонией Антон Семёнович Макаренко. Рыжий, лобастый, лицо мужественное, энергичное, сосредоточенное. Умные, пронизательные глаза смотрели внимательно сквозь стёкла очков. Одет он был просто и скромно. В белой фуражке и такой же гимнастерке, подпоясанной чёрным узеньким кавказским ремешком, в синих суконных брюках и хромовых, начищенных до блеска сапогах.

¹ Воспоминания из сборника «Вчера и сегодня». — М.: «Молодая гвардия», 1970. — С. 25–37.

Горьковцы привезли с собой большую библиотеку, которая едва помещалась на трёх подводах. Я с увлечением помогал носить книги в клуб.

Макаренко заметил моё старание и спросил:

— Что, хлопец, нравятся тебе книги?

— Да, я их очень люблю... — И неожиданно для себя добавил:

— Вот если бы мне стать библиотекарем.

А сам покраснел, и сердце забилось часто-часто... Антон Семёнович не забыл в суматохе ни меня, ни моей просьбы. Вскоре я стал работать в колониетской библиотеке. Выдавал ребятам книги, журналы, газеты, топил печи, мыл полы и сам всё свободное время просиживал за книгами. Впервые прочёл я тогда Горького и пережил великую радость. Читаешь, а самому хочется пойти куда-то далеко, в широкий, необъятный простор, собственными ногами исходить землю. Горький сыграл огромную роль в моей биографии, научил меня понимать жизнь и людей, открыл мне мир во всей его красоте и многогранности.

С приездом горьковцев в Куряж дисциплина среди бывших куряжан постепенно укрепилась. Правда, были и такие, кому не нравилось вставать рано, ходить на зарядку, работать. Они стремились уйти из колонии. Но большинство куряжан с удовлетворением приняли новые порядки, охотно вошли в дружный горьковский коллектив. Их увлекла романтика колонии: красное знамя, которое выносили каждое утро из комнаты совета командиров на широкий колониетский двор; работа в отрядах; многоотраслевое хозяйство, где труд не был игрой; интересные спектакли в клубе. Всё это нравилось ребятам, было ново и необычайно. Подкупала нас доброжелательность Макаренко, удивительное сочетание в нём твёрдости характера и справедливости, основанной на горячей любви к ребятам.

Я работал библиотекарем, учился в школе-семилетке, писал стихи на украинском языке.

Антон Семёнович посоветовал мне не только выдавать воспитанникам книги, газеты, но и устраивать громкие читки произведений нашего шефа, друга и учителя Максима Горького и лучших произведений классической и советской литературы. Эти советы я выполнял с большой радостью...

Вечерами в библиотеку приходил ладный, красивый парень, с чёрной шевелюрой, в очках — Александр Чоп, работавший на свинарне. Он сразу же завоевал мою симпатию своим бережливым отношением к книгам. Александр как-то особенно внимательно относился к печатному слову, возвращал книги точно в срок, терпеливо подклеивал кем-то потрёпанные страницы. Этим он «купил» меня как библиотекаря. Вскоре мы стали друзьями.

Мы с Чопом активно сотрудничали в колониетской печати — стенных газетах «Горьковец» и «Шило». Я писал и редактировал заметки, а Саша славился как художник. Он мастерски и остроумно оформлял и стенновки, и рукописные журналы. Чоп мог сделать любой портрет, любую карикатуру.

Когда мы с Чопом уже в послевоенные годы, пожилыми людьми, вглядываясь сквозь призму времени в наше колониетское прошлое, вспоминали события, оказавшие наибольшее влияние на формирование наших характеров, мы приходили к единодушному мнению: такими событиями были приезды в колонию знаменитых писателей — Анри Барбюса и Максима Горького. Трудно передать, какое огромное, облагораживающее влияние на душу подростков оказывают хотя бы краткие встречи с выдающимися людьми, с людьми с большой буквы!.. Не могу рассказать об этих навеки памятных встречах...

В один из осенних дней 1927 года учительница литературы (теперь известная украинская писательница) Оксана Дмитриевна Иваненко сказала в конце своего урока:

— К нам приезжает сегодня Анри Барбюс.

Это имя было колониетам известно. Несколько экземпляров книги «Огонь», которые имелись в библиотеке, никогда не залёживались на полках. Почти все прочитали эту книгу.

Гудок машины, въехавшей во двор, послышался одновременно со школьным звонком. Я, Саша Чоп и другие ребята побежали к машине.

Мне навсегда запомнилось, как плохо сочеталась седина на висках Барбюса с удивительно ясными, молодыми глазами.

Антон Семёнович знакомил писателя с нами, рассказывал наши короткие, бурные биографии.

Слушая эти рассказы, наш гость видел перед собою весёлые юные лица, видел в мастерских вещи, сделанные нашим руками, понимал, какой широкий и прямой путь открыт перед каждым из нас.

Побывал Анри Барбюс и в нашей библиотеке, интересовался; какие книги читают воспитанники.

Я, как библиотекарь, охотно отвечал на все его вопросы. Затем, достав один из экземпляров книги «Огонь», попросил писателя сделать на нём автограф. Он написал по-французски:

«Друзьям-колонистам. От души желаю вам стать полноценными людьми советского общества. Берите пример из жизни и деятельности великого вождя трудящихся всего мира Владимира Ильича Ленина, а также учитесь жить и бороться у вашего шефа, прекрасного писателя и борца за светлое будущее человечества Максима Горького.»

27 сентября 1927 года. А н р и Б а р б ю с.»

Гость из далёкой Франции пробыл у нас до позднего вечера. Мы вместе обедали и ужинали. Потом состоялось общее собрание, на котором, как обычно, подводились итоги рабочего дня. Барбюсу переводили все выступления. Прежде чем разойтись, мы, по установившейся традиции, поднялись с мест и исполнили пролетарский гимн «Интернационал». Анри Барбюс пел вместе с нами по-французски.

...После посещения Горьковской колонии Барбюс писал:

«Я, ученик великого Горького — нашего знаменитого современника, рад, что побывал в колонии его имени и видел самоотверженных юных людей, исцелённых трудом. Я видел там, как дети нарисовали плакат и своими детскими руками написали: «И водрузим над землёю красное знамя труда!» (Этот плакат был нарисован Чопом.)

Я им верю, они выполняют этот лозунг, который вывесили на фасаде колонии.

Дети, обременённые в прошлом тяжёлыми пороками, способны думать о Красном знамени над миром. Это действительно грандиозно!»

...Между Куряжем, возле Харькова, и островом Капри в Италии (тогдашнее местопребывание Алексея Максимовича Горького) шла оживлённая переписка. Писали своему шефу, другу и учителю индивидуально и коллективно. Он всем аккуратно отвечал.

Как-то Алексей Максимович написал: «Хочу видеть ваши милые морды и пожать ваши лапы».

На общем собрании колонистов А.С. Макаренко спросил:

— Что мы подарим Алексею Максимовичу, когда он к нам приедет?

Все наморщили лбы, молчали. Тогда я взял слово:

— Опишем всю нашу жизнь и подарим Алексею Максимовичу альбом с нашими биографиями.

Моё предложение приняли. В результате коллективной работы появилась книга о жизни, труде, учёбе колонистов-горьковцев. Предисловие к альбому написал А.С. Макаренко. Среди других материалов в нём были биографии Саши Чопа и моя фотография, на которой мы изображены вдвоём.

Когда Горькому преподнесли подарок-альбом, на красной обложке которого было написано золотыми буквами: «Наши жизни — Горькому — Горьковцы», он, волнуясь, тихо сказал:

— От души благодарю вас за чудесный подарок. Даровитые вы, мои дети.

А.С. Макаренко позвал меня и Сашу Чопа. Мы быстро очутились на сцене. А заведующий колонией уже рекомендовал нас Алексею Максимовичу:

— Это наши культурмейцы: Петро Дроздюк — поэт и редактор газеты, много читает и мечтает стать не иначе, как Горьким, и его верный друг Александр Чоп — художник, рисует портреты, плакаты, лозунги, иллюстрирует все издания, выходящие в колонии, и тоже мечтает стать большим живописцем, таким как Репин или Рембрандт.

Горький улыбнулся, пожал нам руки и сказал:

— Молодцы, ребята! Учиться вам надо, а главное — читайте как можно больше и по всем отраслям знаний. Один из вас мечтает стать литератором, другой — художником, это прекрасно. Мой совет вам: овладевайте наукой, ибо, чтобы учить других, надо самому много знать.

Я и Саша Чоп слушали Горького. Видели его чудесные голубые глаза. Этот момент был самым светлым, самым радостным и незабываемым в нашей колонистской жизни.

...А.М. Горький прожил в колонии три дня — с 7 по 10 июля 1928 года. Наш дорогой гость быстро вошёл в самую гущу колонистских будней, принимал участие в разрешении ... текущих дел, работал с нами в поле, косил рожь, обедал с колонистами за одним столом и внимательно, до конца смотрел постановку на нашей сцене его пьесы «На дне».

Алексей Максимович подарил колонистам музыкальные инструменты для двух оркестров — духового и струнного — и библиотеку в 10 000 томов.

...1929 год. Лето. Я и Саша в гостях у Горького. Дачное место под Москвой. Тёплая, незабываемая встреча. На веранде Алексей Максимович в голубой сорочке, в домашних туфлях. Он идёт навстречу, улыбается.

— Здравствуйте, мои дорогие куряжане! — Горький пожимает нам руки, обнимает. — Это хорошо, что приехали. Очень рад. Ну, рассказывайте, что нового в колонии.

Нам хотелось сказать очень много, но языки словно одеревенели.

— Ну, хорошо. Пойдём, подкрепимся. Это никогда не мешает. Особенно с дороги.

На веранде — вся семья. Подали завтрак. На аппетит мы не могли пожаловаться, поэтому вкусные пирожки с мясом и оладьи со сметаной, которыми нас угощала Екатерина Павловна — жена писателя, мы быстро «оформляли»...

Хозяева спрашивали, как мы доехали до Москвы, что думаем делать дальше.

— Мечтаем поступить на учёбу, — ответил повеселевший Саша Чоп.

Вечер. Зажгли большой костер. Алексей Максимович очень любил огонь. Саша показывал свои рисунки, я читал собственные стихи, рассказы. Все слушали внимательно, только «Марфа-Посадница» — внучка писателя — всё время шаловливо бросала в дедушку травой.

— Есть у вас, ребята, способности, но нужно много учиться и работать.

Я сказал, что мы приехали в Москву учиться, только у нас нет командировок, а без этого мало надежды поступить.

— Ничего, я помогу, — ответил Горький.

Небосклон засверкал звёздами. Мы ещё долго беседовали.

На следующий день мы с письмом Алексея Максимовича пошли в Наркомпрос РСФСР, где получили командировки на рабфак искусств имени А.В. Луначарского. Экзамены сдали успешно и стали студентами.

Во время учёбы в Москве я с Чопом неоднократно бывал на квартире у Горького. Он всегда встречал нас приветливо и тепло. Беседовал с нами, дарил книги, поддерживал материально, помогал советами. А.М. Горький в своём очерке «По Союзу Советов» подробно рассказал о жизни Куряжской колонии, где он гостил в июле 1928 года. Великий писатель впервые поведал миру о талантливом педагоге-новаторе А.С. Макаренко. Упомянул Алексей Максимович и обо мне с Чопом под начальными буквами наших фамилий: «Д» и «Ч». Особенно тепло отозвался он о Саше: «Он... «Ч» тоже «командир», человек, безусловно, талантливый и серьёзный, к таланту своему относится недоверчиво, осторожно. «По-прежнему хочу быть человеком, люблю книгу и карандаш», — говорит он. Это — красивый, стройный юноша в очках. Лицо — гордое, говорит он красиво,

сдержанно. Удивительно внимателен он с маленькими, удивительно мягок с товарищами, равными ему по возрасту...».

В 1931 году в Москве по инициативе начинающих писателей и поэтов из бывших беспризорников и правонарушителей вышел литературно-художественный альманах «Вчера и сегодня» под редакцией Максима Горького. Оригинальную обложку для этого издания нарисовал художник Александр Чоп.

...После учёбы на рабфаке искусств Саша уехал в Ленинград продолжать художественное образование, а я вскоре переехал на Украину. Так в житейской суматохе мы потеряли из виду друг друга на долгие годы....

(Чоп признался: — Я понял, что ни Рембрандта, ни Репина из меня не получится, а острый глаз и твёрдая рука пригодятся в хирургии!)

...Проходя медицинскую практику в Архангельске, Александр Иванович Чоп спас известного писателя и учёного Сергея Николаевича Маркова от нападения вооружённого бандита. Об этом писал мне недавно сам Сергей Марков. Привожу выдержку из его письма:

«В 1934 году в Архангельске... Александр Чоп спас мне жизнь физически, отведя от меня удары кастета и ножа, которые пытался нанести мне неизвестный человек...». (Случилось это вскоре после опубликования С. Марковым в газетах статей о взрывах 1916–1917 годов, произведённых, как оказалось, немцами в аванпортах Архангельска.)

«Я, — продолжает Сергей Николаевич, — хорошо запомнил Александра Чопа. Очень подвижный, лёгкий, весёлый человек. Он носит пенсне без оправы. А. Чоп, как думается, знал спорт. Иначе не объяснить быстроту и ловкость, с которыми он отбивал удары, предназначенные мне. Сам Чоп и его товарищи-медики рассказывали мне, что в Архангельске он осуществил очень полезное дело — нарисовал цветные таблицы для анатомических атласов...»

...В первых числах декабря 1954 года редакция Сумской областной газеты «Ленинская правда» переслала мне в село Червоное письмо А.И. Чопа из Архангельска. Вот что писал Саша:

«Здравствуй, Петро!

Я тебя ищу с самого конца войны, запрашивал директора музея имени М. Горького профессора Пономарёва — и всё без толку.

И тут на днях слышу по радио выступление бывшего агронома Куряжской трудколони имени М. Горького Николая Эдуардовича Фере. Он поделился своими воспоминаниями об А.С. Макаренко, рассказал о некоторых из его воспитанников, сообщил, что ты на Сумщине, а адреса сказать не догадался.

И всё же я решил написать, так сказать, чеховским способом — «на деревню дедушке».

Должны же мы с тобой встретиться.

Я на Севере, недавно приехал из тундры, где пробыл почти год.

А.С. Макаренко видел последний раз в коммуне имени Ф.Э. Дзержинского в 1933 году, когда служил рядовым в армии.

Часто вспоминаю о тебе.

Ленинградской Академии художеств я не кончил, ушёл в армию, оттуда в медики.

В 1939 году окончил Ивановский медицинский институт. После института мне пришлось поработать в Архангельске доверенным врачом только 8 дней. Призвали на военную службу. В армию я пришёл, конечно, специалистом. Но всё-таки в горах и лесах северной Финляндии пришлось сделать 23 рейда на лыжах в тыл врага. Я был врачом разведбатальона. Потом служил на флоте. Отечественную войну начал в Кольском заливе на борту «Ленина». С 1942 года я снова на суше. Как врачу-хирургу и гвардии капитану медицинской службы, мне пришлось побывать на Северо-Западном, Калининском и 1-м Прибалтийском фронтах. Спасал раненых солдат и офицеров и сам был неоднократно ранен

и контужен. Войну закончил в госпитале. Возили меня по всей России. Побывал в Кирове, Свердловске, Нижнем Тагиле и других городах, но здоровье вернуть не удалось.

В 1947 году демобилизовался по инвалидности. Имею правительственные награды. Государство выплачивает мне приличную пенсию. Всё же работаю врачом, а свободное время по-прежнему отдаю любимому искусству — живописи.

Эх, Петро, Петро, как жаль, что мы потеряли в одиночки одну четвертую столетия...

В конце декабря я буду в Москве. Могу приехать к тебе.

Пиши.

Жму твою лапу. А. Чоп»

Это письмо взволновало меня до глубины души. Взволновало и обрадовало.

Я сразу же ответил Саше и пригласил его к себе в гости.

Вскоре Саша Чоп приехал ко мне в село Червоное на Сумщине.

Трогательной была наша встреча. Ведь мы не виделись 25 лет... Как родные братья, мы обнялись, расцеловались и, что греха таить, заплакали... Слишком много пришлось увидеть и пережить каждому из нас за прошедшие годы. Я ведь тоже воевал и перенёс много тяжёлого.

Более месяца гостевал у меня мой друг. Он закончил рисовать портрет А.С. Макаренко, который начал делать, ещё будучи на фронте. Вдвоём мы написали воспоминания «Наш Антон».

Свою работу — портрет А.С. Макаренко — Саша Чоп подарил мне на память о встрече в Червоном.

Внешне Саша мало изменился. Такая же, как и раньше, роскошная шевелюра и такие же ласковые, с близорукой прищурью карие глаза. Его мучил туберкулёз, он часто кашлял и всё же много курил.

Я, думая, как бы отучить друга от курения, спросил однажды после его продолжительного кашля:

— Помнишь, как Горький тогда у нас в колонии закашлялся с папиросой в руках?

Мы вместе вспомнили... Тёплый летний вечер 1928 года. К закашлявшемуся писателю подошла одна из наших девушек-колонисток, Люда Шевченко, попросила папиросу.

— Курить вредно, — сказал Горький.

— А почему же вы курите?

— Чтобы люди слышали, как Горький кашляет, и не курили, — пошутил Алексей Максимович.

Он дал девушке папиросу, даже спичку зажёг. Но она не закурила. За папиросу поблагодарила, курить обещала бросить. А папиросу взяла просто на память о встрече с Горьким в Куряже...

— Сашко, — сказал я, — у тебя ж не меньше силы воли, чем у Людмилы. Бросил бы и ты курить. А пачку с папиросами подарил бы мне на память о встрече в Червоном!

— Ладно, — пообещал Чоп, — когда-нибудь сделаю это... Но он так и не сдержал своего обещания...

— Эх, Петро, Петро, ведь мы с тобой ещё и не пожили по-человечески, а скоро каждому из нас по полсотни стукнет, — говорил Саша с грустью, а потом, встряхнув шевелюрой, добавил:

— Но не горюй, Петрусь! Мы должны совершить ещё много хороших дел. Давай напишем серию рассказов о бывших колонистах-горьковцах, о нашем учителе и наставнике Макаренко, а я сделаю к ним иллюстрации. Но для этого надо быть ближе друг к другу.

И мы решили больше никогда не расставаться и жить в Червоном вместе. Как люди будут завидовать: живут в селе два горьковца — Петро Дроздюк и Александр Чоп, и живут, как братья — душа в душу. Петро — журналист, Александр — врач.

Мы договорились: Саша едет в Сумы, берёт в Облздраве направление в Червоное и работает здесь в районной больнице врачом-хирургом.

И вот Саша собрался в дорогу. Перед тем как ехать в Сумы, ему захотелось покушать картошки «в мундирах» с огурцами. Моя жена Татьяна Матвеевна накормила его. Он поблагодарил и ушёл в ночь, как и пришёл ко мне более месяца назад. Я был на работе в редакции, задержался в тот вечер и не смог попрощаться с Сашей. Ах, как я потом терзался из-за этого...

Из Сум Чоп не вернулся в Черновое. Вскоре я получил от него краткое письмо:
«Дорогой Петрусь!

Сообщаю, что нахожусь в Гадячском госпитале инвалидов Отечественной войны. Это на Полтавщине. В дороге заболел, и пришлось подчиниться предписаниям коллег. Надеюсь, что выживу. Жму руку. Александр».

Нет, не выжил Чоп, и больше нам с ним не суждено было встретиться...

Пробыв более года в госпиталях Полтавской, Ровенской, Хмельницкой областей, Александр Иванович Чоп скончался 10 мая 1956 года.

Смерть Саши острой болью ранила моё сердце. Я потерял самого дорогого, самого близкого мне человека. Такого искреннего и задушевного друга, как Саша Чоп, у меня, конечно, уже не будет. Ничего на этом свете не повторяется. После смерти Саши я десять лет переписывался с его матерью Матрёной Самсоновной Чоп. Она неоднократно просила меня в своих письмах, чтобы я навестил её, рассказал о её родном и незабываемом Саше, о том, как мы жили в колонии Горького, как учились на рабфаке, встретились в Червоном.

И хотя Червоное не близко от Архангельска и здоровье плоховато, я всё же решился на поездку. Ведь я еду к матери Саши Чопа — моего самого светлого друга, а значит, и к своей матери. Это придавало мне и сил и бодрости.

Архангельск — город северный, но мне здесь было очень тепло. Меня грела теплота человеческих сердец близких людей. На вокзале меня встретила сестра Саши Чопа — Евгения Ивановна Поспелова, пожилая, стройная, красивая женщина. Она довела меня до своего дома, где живёт её и Саши мать.

— Дорогой мой сыночек, Петрусь, здравствуй! — такими тёплыми словами встретила меня мать Саши Чопа — седая, полная, с добрым лицом и ласковыми глазами, очень приветливая и милая старушка. По профессии она медсестра, давно на пенсии. Есть у Матрёны Самсоновны ещё сын, Василий Иванов, младший брат Саши Чопа. Василий — радист, служит на торговом судне, плавает в Белом море.

— Дорогая, добрая мама, — проговорил я взволнованно при встрече.

Мы тепло поздоровались, обнялись, поцеловались, как родные.

— Эх, был бы с нами Саша, — проговорила дрогнувшим голосом Матрёна Самсоновна, — как бы он был рад приезду Петруся в Архангельск...

...Мать скорбит о безвременно ушедшем из жизни сыне. Ей очень хотелось бы побывать на его могиле. Но ехать на Украину далеко, а она уже старенькая, слабенькая.

— Проведай, Петрусь, хоть могилку Саши, поклонись и от меня его праху, — говорит мне старушка.

Я обещал матери друга, а значит, и моей матери выполнить её просьбу. Летом 1966 года я побывал в селе Веприк Гадячского района Полтавской области, где расположен госпиталь инвалидов Отечественной войны. Здесь, на госпитальном кладбище, и похоронен гвардии капитан медицинской службы Александр Иванович Чоп. И хотя со дня его смерти прошло более 10 лет, его многие в госпитале вспоминают добрым словом.

Сашу любили все больные, все медицинские работники. Он до последних дней вёл среди товарищей по госпиталю культпросвет работу, рисовал портреты, лозунги, плакаты, оформлял стенные газеты.

Вот яркий факт. Когда он умер, больные собрали между собой деньги и наняли в Гадяче духовой оркестр, чтобы похоронить его с музыкой.

Светлая память о Саше Чопе — моём самом лучшем друге — всегда в моём сердце.